

РАССКАЗЫ

Землянка

Все утро брат шел по глубокому снегу и гонял по кругу мысли. Его жена с вечера добросила его куда могла, и на прощание они поцеловались в машине. У них ведь одна машина на двоих, и жене она нужна по работе.

Жена вернулась в город, а брат сел на электричку, потом на автобус и переночевал на автовокзале. Теперь оставалось дошагать до еще одного автовокзала, сесть на еще один автобус, и все, он будет на месте. У родственников кого-то из друзей простаивал дом в глуши, туда брат и ехал.

С электрической опоры бесшумно слетела сова. Птица сразу снизилась до земли и улетела в лес. Она увидела человека и спряталась. Навигатор показывал, что здесь должна проходить грунтовая дорога или хотя бы накатанный путь, но ничего такого не было: только снежное поле с клочками желтой травы и сухими зонтиками борщевиков. Справа по снегу вилял оплывший след какого-то зверя. Снег хрустел под ногами.

Иногда появлялась лыжня – это, наверное, городские выезжали кататься по выходным. В лыжне ноги у брата проваливались, но идти по целине было еще хуже. Поэтому, пока лыжня была, он шел по ней, а потом она пропала.

Рюкзак давил на спину и плечи, и под пальто спина взмокла. Зато пока брат шагал, мысли не так наваливались. Он свернул с просеки и пошел вдоль извилистой реки. Та река должна была впасть в другую реку, большую.

На утесе, как будто гнилой зуб, торчал комель горелого дерева. В него ударила молния, несколько лет назад или даже еще раньше. Где-то впереди заходились лаем собаки. Брат вышел к большой реке и увидел, что рыбак провалился под лед. Собаки бегали вокруг полыньи и лаяли, приседа на передних лапах.

Брат сбегал вниз по ступеням, вырубленным в берегу. Провалившийся был стариком. Его шапка сползла с седой головы и плавала в воде. Мокрая дубленка тянула его ко дну больше всего. Он бултыхался в полынье, цеплялся за лед, но лед обламывался под его весом, а рукавицы скользили. Все-таки очень медленно он продвигался к берегу.

Рыбак заметил брата, открыл рот и попытался что-то сказать, но в его горле только заклокотала вода.

Брат сделал несколько шагов, осторожно, чтобы самому не провалиться. На льду лежал шнур для подледной сети. Брат подобрал его и бросил рыбаку. Тот поймал шнур. Брат медленно пятился и тянул, пока рыбак не лег животом на лед. Рыбак дополз до берега, встал и, ничего не говоря, побежал мимо брата вверх по ступеням.

Собаки побежали за хозяином. Река была гладкой белой плоскостью, и деревья на том берегу были крошечными. От белого снега слезились глаза. Брат постоял там и тоже поднялся по ступеням.

На поляне у обрыва были вкопаны старые автомобильные кресла и перед ними – столик. Наверняка было очень уютно летом сидеть на этих креслах и смотреть на реку.

Игорь Масленников родился и живет в Москве. Закончил Институт международных отношений. Рассказы публиковались в журналах «Волга», «Литература», «Юность», «Дактиль» и др. Переводчик сборника Бриса Пэнкейка.

Правее, между деревьев брат заметил крышу землянки; из снега торчала железная труба. Рядом был дровник, а подальше стояла машина: капот открыт, на моторе уже вырос сугроб, в салоне нет сидений. Сиденья из этой машины и стояли на берегу. Заходи, чего там стоишь, вдруг крикнул рыбак из землянки. Брату было любопытно спуститься к нему.

Внутри оказалось темно, только над столиком горела шестивольтная лампочка. Немного тусклого света проходило через закопченное окошко. Комната была устроена наподобие купе: напротив двери – столик, а по бокам от него – по лавке. На всех стенах и под потолком висели рыбацкие снасти и вяленая рыба. Брат, как только вошел, ударился головой о жестяное ведро.

Рыбак уже снял все мокрое и голый сидел на лавке, вытирая волосы старой рубашкой. На его левом плече расплылась накладка: русалка с пистолетом и бутылкой вина.

Рыбак достал из-под лавки стеклянную банку с бензином. Взял хирургически зажимом весть, макнул в банку, бросил в печь, зажег спичку. Руки его сильно дрожали, но не от холода. Поленья сразу занялись, и он закрыл дверцу.

Потом он взглянул на настенные часы и нажал кнопку на магнитоле. «Сегодняшний день мы объявляем днем случайных направлений, – заговорила радиоведущая. – Бывает, куда-то едешь, но совсем не в том направлении, в каком хотел».

Бывает, как не бывает, ухмыльнулся рыбак, я когда ехал после госпиталя домой, сел не на свой поезд. Рыбак рассказал, что служил в армии в Подмоскowie. Они только что вернулись из Чехословакии, и их сразу послали тушить торфяники. Крепко я тогда горел, посмеялся рыбак, даже чичирка пострадала.

Он повернулся к свету. Его тело было обезображено; на руках, туловище, ногах, лице белели узловатые шрамы. Половина лица была загорелой, половина – бледной. Борода отчасти закрывала обгоревшие места. Рыбак кряхтя надевал белье, ватный полукомбинезон, пиджак.

Ты меня выручил сегодня, сказал он. Я бы и сам выбрался, но все-таки ты меня выручил. Это была правда: рыбак выбрался бы из полыньи и без чужой помощи.

Рыбак достал из-под лавки бутылку водки и налил им по рюмочке. Они выпили, и рыбак сразу налил еще по одной. Видно было, что ему весело оттого, что он остался жив.

После госпиталя я прошел перекомиссию, рассказывал рыбак. Он вернулся домой и работал шофером, но дома ему не сиделось, при каждой возможности он уходил охотиться или рыбачить. А потом, в перестройку, все развалилось, и к жене стал ходить другой мужик, сказал рыбак. Он все бросил и переселился в землянку. Дети к тому времени были взрослыми.

Рыбак не давал брату вставить слово. С другой стороны, брат и не хотел говорить. Когда рыбак запрокидывал голову, чтобы выпить, видно было, что его шея все-таки загорелая, а складки на шее белые и с длинными седыми волосками.

Брат достал из рюкзака контейнер с холодцом, который жена сунула ему в дорогу. Они пили и ели вилками холодец прямо из контейнера. Водка была неплохой. Рыбак понравился брату; брат даже подумал, что полюбил его. Он представил, как вечерами рыбак спокойно сидит в своей землянке, слушает радио, и никто не беспокоит его.

Снаружи послышалось копошение, и рыбак открыл дверь. Четыре собаки забежали внутрь. Виляющие хвосты билось о лавки и кирпичную печь. Радиоведущая продолжала лопотать из крошечной колонки; голос ее звучал очень приятно.

Рыбак рассказал, что построил землянку из лиственных сушин. Но теперь в том лесу почти не осталось лиственных деревьев. Лиственные, они идут как пионеры, сказал он, потому что хвойные не любят прямой солнечный луч. Но потом хвойные наступают и заполняют весь лес. Теперь здесь остались одни хвойные деревья, я этот лес хорошо знаю, сказал рыбак. Местные меня прозвали Диким зверем. В лесу одни дикие звери живут, так ведь? Я в друзьях с собаками, рыбами и зверьми, и в том нисколько не каюсь. Бутылка подходила к концу. Рыбак разлил еще по рюмочке.

Хорошо, когда собаки здесь, сказал рыбак. Когда собакам жарко, они уходят на улицу, а в землянку лезут мыши и крысы. Иной раз ложусь на бок, закрываю глаза, а по горлу либо по волосам

пробегают мышь. Я за эту зиму поймал сто две штуки мышей и крыс. Я всех их записываю. Веду учет. Сейчас покажу. Рыбак послунял палец и стал листать старый, с желтыми страницами блокнот. Где же, сказал он, должно, не в этом блокноте. Эх, зря похвалился.

Рыбак снял с проволоки две вяленые рыбины и одну протянул брату. После рассказа про мышей брата подташнивало, и он уже хотел уйти. Он не стал есть, а рыбак отодрал кусок с рыбьего брюха. Рыбак ел без аппетита; казалось, что на старости лет еда надоела ему.

Раньше землянку затопляло по весне, сказал рыбак, обсасывая кусок рыбы, а потом они построили водохранилище. Одно хорошо, что они его построили, а другое плохо, потому что теперь не стало рыбы. Раньше вода разливалась на луга, и солнце нагревало ее. Рыба шла туда нереститься. А теперь вода не доходит до лугов, и вот, рыбы не стало, ей больше негде нереститься. Совсем мало ее осталось. Ты, часом, не от повестки бежишь, спросил рыбак, побряхтел и продолжил говорить, не дожидаясь ответа. У меня зять был инструктором по борьбе в спецназе, так он на личном автомобиле уехал на Север, а то бы его точно забрали.

Большой лохматый кобель сел рядом с братом и протянул ему сначала одну лапу, а потом обе. Он тебе ноги протягивает, сказал рыбак, это значит, что ты с ним подружился. Это моя цирковая собака. Обе ноги протягивает тебе, не одну, а сразу обе. Подружились вы. Я раз в месяц ездю в город за пенсией да собакам мослов купить. Что, хочешь мослов, а? Рыбак потрепал по ушам старую суку, которая уставилась на него.

Рыбак хотел что-то еще сказать, но только покашлял, отвернулся и стал на что-то смотреть через тусклое окошко. Он думал, что брат не видит его. Лицо его стало совсем серьезным.

Брат посмотрел на собак и снова на рыбака. Тот уже сидел с закрытыми глазами, привалившись к стене, и тужело, с присвистом дышал. Одна собака прыгнула ему в ноги и свернулась клубком, а другие легли на полу. В печке гудело. Работало радио.

Брат надел пальто, набросил рюкзак, шикнул на собаку, лежащую у двери, и тихо вышел.

В животе у него было жарко. Ему весело было от водки и от всего, что произошло. Брат сверился с навигатором и скоро перестал думать про рыбака. Он думал про жену и дочь, совсем уже взрослому.

Ротвейлер

– Я сначала думал – да, а теперь думаю – нет, – сказал сухой загорелый старик с длинной шеей. – Ты сразу же, что если мы берем собаку, то это же не на один день.

– Ты мне будешь объяснять, что значит взять собаку, – сказала жена старика. Как только старик вошел на кухню, она сразу поняла, что он поддатый.

– Зубы у ней белые и острые. Не старше года ей, только сформировалась.

Старик сел на корточки и набросил клемму на большой армейский аккумулятор. Клемма заискрилась, и включился насос. Он закачал воду из разобранной водопроводной трубы.

– Полтора, мне кажется, – сказала жена. Она стояла у кухонного стола и отбирала из стопки надтреснутые и битые тарелки.

– Може, и полтора. Жалко ее очень, но мы не потянем двоих, – сказал старик.

Вещи на кухне – то, что осталось после военных, – лежали как попало. Окна были побиты и заклеены на скотч, плазменный телевизор продырявлен. На кухонном шкафу не хватало дверец. В углу лежала россыпь патронов – жена утром вымела их из-под дивана.

– Она уже давно там бегаёт, – сказала жена.

– Классная вроде баба. Если бы она хоть чуть-чуть на нас загарчала или кинулась, я бы ни за что ее не взял. Но она ничего, у ней с Бушей похожие характеры. И хвосты отрезаны. Не люблю эту моду на длинные хвосты.

– Я все-таки думаю, что нужно ее взять.

– Ты навари им кастрюлю в два раза больше, а там подивимся. – Старик морщился, завинчивая клемму.

– Я хочу собачку, – сказала жена.

– Во-первых, не пытайся мной манипулировать. Если даешь слово, что будешь с ней гулять вранцы, мы берем ее. Я не смогу гулять с двумя одновременно.

– Все одно это ляжет на меня.

– Что за мутотень ты снова несешь. – Старик вскочил на ноги.

– Ты уйдешь в рейс, а я буду вранцы гулять с двумя собаками.

Старик работал вторым механиком на сухогрузах и контейнеровозах под панамским флагом, а его жена – экономистом в порту. В порту они и познакомились много лет назад. Теперь там жили военные, грузовые корабли почти не приставали. Но для жены старика все-таки нашлась работа.

– Чем ты недовольна? – кричал старик.

– Я всем довольна, – кричала жена.

– Вот и замолкни.

– Ты нам когда поставишь уличный душ?

– У меня суббота чи ни?

Старик бросил гаечный ключ и ушел в свою комнату спать. Он заснул лежа на спине и во сне иногда кашлял. Их ротвейлер Бумер свернулся клубком у него в ногах, положил голову ему на голень. Ротвейлер был грузным и старым. Суставы на ногах протерлись до кожи, на шерсти было много седины. Пес считал жену главной в доме, а старик был для него на втором месте, потому что тот надолго уходил в рейсы. Но пес все равно любил спать в ногах у старика.

Жена ушла во двор стирать. Она стирала одежду руками и полоскала ее по трем тазам. На дощатый забор запрыгнула кошка. Она долго сидела там и куда-то смотрела. Жена старика заметила ее. Это была их кошка. Уезжая к родственникам, они взяли ротвейлера с собой, а кошку оставили. Ведь кошка могла охотиться на мышей и птиц, а домашнего пса пристрелили бы военные, или он умер бы с голоду. К тому же на людей с автоматом Бумер бросался, не признавал их. В первые недели по всему городу носились породистые собаки – выбирай любую, – но постепенно собаки пропадали.

Кошка уже несколько раз приходила и вот так подолгу сидела на заборе, но ни разу не спрыгивала на участок. Когда они уезжали, она носила котят, а теперь приходила одна. «Кошки, они злопамятные, – думала жена, полоская белье. – Но в машине не было места, а она ведь всегда шипела на Бушу».

Старик с женой уехали в спешке, когда вокруг стреляли и их дом заняли военные. Они созвонились с родственниками и сразу поехали к ним. Вернулись через несколько месяцев. Тогда было холодно, а теперь было лето.

Забор на их участке стал как решето, внутри дома все перевернули вверх дном. Зато их дом стоял, а у соседей в гараж влетела ракета. Соседи все-таки продолжали жить в оставшейся половине дома. У них, кажется, никто не погиб. Они ждали референдум; все говорили, что он будет осенью. Другой сосед дальше по улице, капитан в отставке, застрелился. Так рассказывали, но старик с женой не видели его тело, и могилки на участке тоже не было.

То, что та молодая сучка ротвейлера выжила на улице Артёма, было почти чудом. Они заметили ее сегодня на проезжей части, пока ехали с рынка. Там, где теперь люди торговали с рук, все и началось. Торговый центр разграбили и сожгли первым делом, еще когда город окружали. Теперь на расчищенной парковке продавали еду, газовые плитки, старые велосипеды. На асфальте стояли клетки с курами. Рубли принимали охотнее, чем гривны. Инвалидка без ноги пела под фонограмму; музыка с сильным эхом звучала из динамика, примотанного к креслу-каталке. Непонятно было, то ли ей оторвало ногу недавно, то ли ее не было и до войны. Греки продавали овощи. Кого-то стригли под машинку. Дедушка продавал веник и так и заснул на табуретке с веником в руках. У редких палаток тарахтели генераторы. Стены палаток были все покрыты отрывными объявлениями и надписями маркером: поиск людей, маникюр, продажа топлива, уроки с репетитором, магазины наркотиков в даркнете и так далее. Больше всего объявлений было про маникюр.

На рынке почти не ходили военные, только три-четыре человека там и здесь что-то покупали. Большинство ходили без оружия и в самой разной форме; если бы не лица, не глаза, их бы приняли за рыбаков, а не военных. С завода изредка громыхало. Разрывы звучали как гром, но никто не обращал внимания, потому что люди знали, что это обезвреживают снаряды. Через дорогу от рынка стояли почерневшие многоэтажки, обвалившиеся сверху и с боков. Они выглядели не как дома, а как каменные останцы, только очень высокие.

Когда старик с женой возвращались с рынка, они увидели в начале улицы Артёма, как среди обломков роется молодая ротвейлерша. Они остановились и подошли к собаке. На ее шее висел добротный ошейник из стропы, с дырками в два ряда. Глаза гноились, хотя и несильно, и на черно-подпалом крупе слева розовела проплешина. Они сразу поняли, что ротвейлерша молодая. Собака заглядывала им в глаза, но когда жена попыталась ее погладить, убежала через калитку в разбитый двор. Собака открыла калитку передними лапами и прошла внутрь, хотя одна створка ворот лежала на земле. Она жила здесь до войны и привыкла так ходить, это было ясно.

На висевшей створке виднелись обычные обереги: повязанная белая тряпка, надписи «Дети», «Здесь живут люди», «Ничего ценного нет». Но еще там был написан телефон хозяев. Старик зашел во двор. Там стояло несколько частных домов, все без крыш. Связь ловилась, и старик набрал номер телефона со створки. Ответила женщина. Она сказала, что ротвейлершу зовут Эльба, но собака не ее. Кто хозяева, она не знала. Скорее всего, женщина и была хозяйкой.

Когда старик проснулся, жена только что закончила развешивать одежду на шнуре между деревьев. Старик вышел с крыльца и увидел, что жена обмывает тазы и плачет. Их ротвейлер тоже проснулся и вышел с крыльца. Он протиснулся между ног старика. Хотя пес был старый, он любил вот так игриво проходить между ног хозяев. Старик сказал:

– Что ты ревешь?

– Ты знаешь, что я реву, – сказала жена.

– Поревешь – и перестанешь.

– Не поэтому.

– Черт возьми, куда подевалась уличная пепельница. Раньше все было по местам, а теперь... – сказал старик. Он держал сигарету прямыми пальцами, как-то по-морскому, как будто вышел покурить на палубе. Он затушил сигарету об угол крыльца, подошел к жене сзади и обнял за плечи. Она перестала обмывать таз.

– Коля такой упертый с этой своей Польшей. Он же водолей, – всхлипнула жена.

– Внук вчера говорил наполовину по-польски, – сказал старик. Их сын остался в Киеве, а жена сына вместе с ребенком успела уехать еще до войны. Вчера они дозвонились до них по видеосвязи от драмтеатра. Все знали, что там ловится интернет, и на ступеньках рядом с ними сидело два десятка людей. С фасада здание было как будто целым, да и в холле даже не потрескались зеркала.

– Я заметила, – сказала жена.

– Это их решение, нам туда не нужно влезать.

– Просто мы же привыкли, что все свои рядом.

– Увидим мы еще сына с внуком чи ни.

– Ротвейлеры-потеряшки, – сказала жена, – они ведь боятся, что новый хозяин тоже исчезнет. Она будет ходить следом и смотреть, чтобы ты не уходил далеко.

– Може, эта Эльба станет новой любовью Буши, – сказал старик.

Жена смотрела между яблонь, между штанов и рубах, развешанных на шнуре, на соседский дом, тот, в который угодила ракета. Дом ниже них по склону. На месте крыши теперь виднелась мерцающая полоска моря.

– Ну, никто же не знает заранее, – сказала она.

– Заранее никогда не скажешь. Давай еще подумаем за собаку, а?

– Давай, – сказала жена.

– Если мы берем собаку, это ведь не на один день, – сказал старик.